

Оба они чувствовали себя так же, как при первой встрече. Бо Вэньгуань слегка растерялся: хотя в вопросах закона статус омег и альф формально равен, в физиологическом плане омеги всё же остаются в уязвимом положении. Общество постоянно призывает к движениям за равные права, но судя по самой генетике омег и альф, заложенной в них до мозга костей, подлинное равенство по-прежнему невозможно.

В комнате по-прежнему витал густой запах феромонов. Бо Вэньгуань посчитал необходимым как следует поговорить с этим маленьким омегой, поэтому достал из шкафа собственную белую рубашку и бросил её омеге, которого сам же только что и отметил. При дневном свете он даже не смел слишком пристально смотреть на своего маленького омегу.

Белая рубашка упала на гладкую спину маленького омеги, скрывая покрывавшие её сине-фиолетовые следы. Его лопатки слегка подрагивали, влажные от потёков виски и распухшие губы вновь заставили сердце Бо Вэньгуаня забиться в неконтролируемом трепете. Удержаться от вздоха было невозможно: не зря в учебниках по физиологии пишут, что омега после метки становится невероятно соблазнительным, обладая большей притягательностью, чем только что испечённый чизкейк. Уловив густой аромат чая, исходящий от него, Бо Вэньгуань на мгновение снова потерял голову. Ему казалось, что стоит ему пробыть в этой комнате ещё хоть мгновение, как он снова сорвётся и совершит что-нибудь неподобающее.

Кондиционер в спальне работал на совесть, ресницы маленького омеги трепетали, словно птичьи крылья, пальцы ног сжались, а по комнате всё ещё расплывался аромат улуна. Если бы два феромона смешались снова, вспыхнул бы настоящий огонь, и тогда началась бы безудержная телесная переключка и пиршество феромонов.

Бо Вэньгуань сдержал собственный вырывающийся аромат сандала и, судорожно сжав кулаки и глубоко вздохнув, произнёс:

— Одевайся. Твою одежду уже нельзя надеть, давай сначала выйдем поесть.

С этими словами он отвернулся, словно боясь задержаться на своём маленьком омеге хоть на полдоли секунды.

Однако, почувствовав исходящий от него запах феромонов, Бо Вэньгуань обернулся и увидел, что спрятавшаяся с головой под одеяло макушка маленького омеги мелко подрагивала — кажется, тот кивал. Только тогда Бо Вэньгуань прикрыл за собой дверь и вышел. Густой запах маньчжурского улуна раз за разом будоражил его нервы, и какую бы железную выдержку ни проявлял человек, перед этим невозможно устоять.

Ему казалось, что весь его жизненный опыт сейчас можно описать одной заглавной буквой: случайность. Будучи совершенно равнодушным к другим омегам, стоило ему встретить того, кто был перед ним, как он потерял контроль над собственным сердцем. Ему хотелось завладеть им, обнимать его, находиться рядом каждую секунду.

Услышав щелчок закрывающейся двери, Янь Сюй лишь тогда медленно выполз из-под одеяла. То, что он пережил за эти семь дней, казалось прогулкой по облакам и плаванием в морских

глубинах, принося странное наслаждение, похожее на ощущение плывущей по воле волн утлой лодки, когда закрыв глаза слушаешь шум ветра и дождя. Он знал лишь одно: человек, которому он доверял, полностью завладел им, штурмом взял все его рубежи, превратив пустыню в оазис, а ручей — в бескрайний океан. Но стоило открыть глаза, как перед ним предстал его кумир из рекламы, самый знаменитый киноактер империи. Это было всё равно что императорский трон достался простому смертному — вероятность этого была ниже, чем пересыхание Мёртвого моря.

В спешке и путаясь, он застегнул пуговицы рубашки, вытащил из шкафа и натянул брюки. И в самом шкафу, и на одежде ощущался знакомый, мягкий и долгий аромат сандала. Опустив голову, он усердно потянул носом воротник: в то время как запах сандала наполнял носовые проходы, тело тоже обретало покой. С момента переселения в этот мир такое умиротворение он чувствовал впервые.

Бо Вэньгуань уже полностью оделся: как и положено звезде, на нём были неизбежные бейсболка и защитная маска в сочетании с простой рубашкой и джинсами. Увидев, как его маленький омега неторопливо выходит из комнаты, он сдержал импульс броситься к нему в объятия и бросил:

— Пойдём.

Но едва сделав шаг, Бо Вэньгуань словно что-то вспомнил и остановился.

— Подожди, — бросил он, развернулся, достал из ящика стола блокирующий пластырь и с почти нежной заботой наклеил его на шею маленького омеги, скрывая окровавленные следы от зубов и преграждая путь распространению феромонов.

Янь Сюй стоял не смея шелохнуться, пока этот пометивший его альфа приближался, позволяя ему коснуться своей уязвимой железы и аккуратно наклеить пластырь без каких-либо иных подтекстов.

Только сейчас пришло некоторое осознание реальности: его кумир, его идол действительно находился прямо перед ним, до него можно было дотронуться рукой, и он больше не был заперт на холодном экране телевизора.

Стоило им приблизиться друг к другу, как они снова почувствовали ароматы феромонов друг друга. После изоляции запах стал намного слабее, но тянулся словно по зову метки. Бо Вэньгуань отчётливо чувствовал, что этот маленький омега принадлежит ему. Его рука в спешке отнялась от чужой шеи — он и сам не понимал, почему решил лично наклеить этот пластырь, просто тело само двигалось помимо воли, повинувшись порыву сердца.

— Теперь... можем идти.

Бо Вэньгуань сыграл в бесчисленных фильмах и произнёс множество реплик, но ещё никогда не чувствовал себя столь неловко.

Как только дверь открылась, он нос к носу столкнулся с пожилым управляющим здания. Вспомнив недавнее проявление заботы со стороны старика, Бо Вэньгуань с вежливой улыбкой поинтересовался:

— Дедушка, что вы делаете у моей двери? — и прикрыл собой маленького омегу. Кто бы мог подумать, что, увидев его, пожилой мужчина улыбнется и протянет ему какой-то прибор:

— Носи этот датчик с собой, как только почувствуешь себя плохо, он сразу же передаст сигнал в сеть.

С этими словами мужчина посмотрел на Бо Вэньгуаня, затем бросил взгляд на царивший за его спиной кавардак в гостиной и уловил запах переплетенных феромонов. Он расплылся в многозначительной ухмылке:

— Молодежь, а личная жизнь-то у вас бурная. Ты и так здоровьем не блещешь, смотри, долго так не протянешь.

— Спасибо за заботу, — Бо Вэньгуань искренне считал, что у него просто ангельское терпение. Ему стоило бы сказать спасибо империи за ее восемнадцатилетнее образование, иначе он прямо здесь продемонстрировал бы старику трюк со скалой на груди, чтобы тот наглядно понял, как взрослые избалованные детки умеют ставить империю на уши.

Когда Бо Вэньгуань, уводя своего маленького омегу, поспешно нырнул в салон машины, дыхание его все еще оставалось сбивчивым, а сам он бессознательно источал сильный запах сандала. Ладони Янь Сюя до сих пор горели. Всю дорогу он чувствовал, что его альфа держит его за руку и не собирается бросать, отчего сердце переполняли сильнейшее чувство удовлетворения и гордости. Теперь же, уловив этот аромат в автомобиле, он окончательно потерял голову. Обеими руками затянув ремень безопасности, он с трепетом взглянул на альфу за рулем и робко спросил:

— Господин Бо, вы не могли бы скрыть свои феромоны?

Бедный омега уже начал выдавать реакцию: его щеки не переставая заливались краской, огонь доходил до самых мочек ушей и шеи, а железа казалась раскаленной до предела. Ему казалось, что никакой блокирующий пластырь уже не сможет удержать рвущееся наружу бушующее пламя его феромонов.

Только тут Бо Вэньгуань сообразил, что его феромоны давно уже заполнили весь салон, и, торопливо бросив: «Прости», — тут же включил вентиляцию. Лишь после этого Янь Сюю стало полегче.

Частный клуб.

После того как подали блюда, в отдельной кабинке остались только Янь Сюи и Бо Вэньгуань. Бо Вэньгуань не удержался и наложил своему маленькому омеге полную тарелку еды. Во всем была виновата сила метки — именно она заставила его так сильно переживать за этого омегу. Что ж, пора было переходить к делу.

Пережив семидневный период течки, альфа вернул себе прежний рассудок и теперь был готов повернуться к человеку спиной. Тщательно взвесив все плюсы и минусы, он заговорил языком деловых переговоров:

— Так что у тебя сейчас есть три варианта. Первый: свести метку. Все расходы я беру на себя, и ты получишь крупную денежную компенсацию. Второй: ты можешь остаться с меткой, но жениться я на тебе не буду. Сам понимаешь, у меня статус звезды, и свадьба сильно ударит по моей карьере, а мы знакомы меньше восьми дней — это все-таки слишком поспешно. И третий вариант: мы можем поддерживать отношения. Ты можешь выдвинуть любые условия, и если они мне по силам, я непременно их выполню.

— Господин Бо, вы хотите со мной встречаться?

Глаза маленького омеги сияли так ярко, словно в них отражалось звездное небо. Суровые слова о двух первых вариантах ни капли его не задели — его целиком и полностью привлекла перспектива отношений, упомянутая в самом конце.

Приходилось признать: такой омега обладал куда большим очарованием, чем те изнеженные мажоры, что обычно вились вокруг него. Бо Вэньгуань даже не подозревал, что в период работы в квартале удовольствий этот омега считался ослепительной первой красоткой столицы — стоило ему бросить на гостя лишь один взгляд, как тот полностью терял голову и был готов исполнить любое желание. Бо Вэньгуань просто не мог произнести слово «нет»:

— Верно, ты согласен со мной встречаться? Только это нельзя афишировать.

— Я согласен!

В душе омега был готов завизжать от восторга. Глядя на сидящего перед ним альфу, он просто не находил слов, чтобы выразить свои чувства, и был готов броситься через стол, чтобы заключить его в крепкие объятия.

Совсем как тогда, когда он восхищался молодым господином Ни Шаоюанем из семьи канцгера. Как бы он ни изощрялся, увидеться с ним ему так и не довелось. Лишь случайно, через одного из посетителей заведения, он раздобыл каллиграфию Ни Шаоюаня. Он не выпускал свиток из рук и даже спал, прижимая его к груди, чтобы обрести душевный покой. Вдыхая запах туши, он чувствовал себя так, будто беседует с самим Ни Шаоюанем. Уже тогда он думал: если бы ему и впрямь довелось встретиться с ним, он бы с радостью променял долю свободного артиста на положение слуги у него за спиной.

Но Ни Шаоюань так и не обратил на него внимания от начала и до конца. Зато теперь этот человек сам, совершенно неожиданно, предложил ему встречаться. Такая невероятная удача свалилась на голову Янь Сюя просто ниоткуда.

— У тебя есть еще какие-нибудь пожелания?

Бо Вэньгуань еще не успел навести справки о его прошлом, но раз тот подрабатывал массовой, то наверняка хотел получить хорошие ресурсы или заметную роль — в конце концов, нельзя же всю жизнь оставаться на заднем плане. К тому же, раз он согласился на отношения, как парень он был обязан взять на себя определенную ответственность.

— Главное, чтобы вы меня кормили, — выпавил Янь Сюи, набив рот едой и став похожим на маленького бурундука, и выдал эту великую житейскую мудрость.

Бо Вэньгуань рассмеялся:

— Хорошо.

С этими словами он не удержался и протянул руку, чтобы стереть соинственное маслице с его губ. Янь Сюи как раз собирался слизать его языком и нечаянно коснулся кончика пальца Бо Вэньгуаня — между ними произошел самый настоящий интимный контакт.

Оба на мгновение замерли. Уши Янь Сюя покраснели так сильно, что казалось, будто из них вот-вот закапает кровь. В голове же у Бо Вэньгуаня словно оборвалась какая-то струна: в мозгу гулко бабахнуло, и все мысли разом исчезли. И это при том, что между ними случались вещи куда более интимные и даже дерзкие! Но сейчас они вели себя до невозможного чисто, словно оба никогда в жизни ни с кем не встречались.

Янь Сюи закусил губу. Бо Вэньгуань молниеносно отдернул руку и принялся тереть кончик пальца. Ни один из них не знал, что сказать, и в итоге нарушить неловкое молчание первым решился Янь Сюи:

— Господин Бо, а ваши пальцы немного солоноватые.

— А твой язык невероятно мягкий, — помимо воли сорвалось с языка Бо Вэньгуаня.

Вот черт. Стало еще неловче.

<http://bllate.org/book/21485/2198911>